Варакин Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия; e-mail: djurnapopuli@gmail.com

ГЕНЕЗИС ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ НАЧАЛЬНЫХ КООРДИНАТ

В статье представлен подход к изучению генезиса журналистики в России, позволяющий преодолеть трудности концептуализации истории журналистики как научной и учебной дисциплины. Фундаментальной трудностью автор считает общее согласие исследователей в том, что начальные координаты данного генезиса очевидны. Как следствие, проблемы, связанные с установлением этих координат, оказываются незамечаемыми. На основе качественного анализа учебных текстов, историко-культурного анализа и майевтического метода рассмотрены три основные проблемы: эпистемологическая (историки реконструируют генезис не журналистики, но средств массовой коммуникации) и две историко-культурные (генезис журналистики как системы средств массовой коммуникации историки прослеживают сразу от рубежа XVII–XVIII вв., утверждая ее «каноническую форму» – печать и «официального изобретателя» – главу государства). Артикулируя X–XI столетия в качестве начальных координат генезиса журналистики в России, автор дифференцирует в нем два доинституциональных периода: становление паражурналистской практики (до середины XVI в.) и становление собственно журналистской практики (до начала XVIII в.). Автор статьи приходит к выводу, что любая история журналистики основана на мнемоисторической рефлексии, но последнюю необходимо контролировать, чтобы решить вышеуказанные проблемы.

Ключевые слова: *генезис журналистики в России, история журналистики, концептуализация истории журналистики, нарратив о прошлом, техно-культура, средства массовой коммуникации, мнемоисторическая рефлексия.*

Vladimir S. Varakin, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Chair of Journalism, Advertising and Public Relations, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia; e-mail: djurnapopuli@gmail.com

GENESIS OF JOURNALISM IN RUSSIA: PROBLEMS OF IDENTIFYING THE INITIAL COORDINATES

The paper presents an approach to the study of the genesis of journalism in Russia. This approach allows to overcome the difficulties of conceptualization of journalism history as a scientific and academic discipline. The author considers as a fundamental difficulty the general agreement among researchers about the obviousness of the initial coordinates of the genesis of journalism in Russia. Hence,

the problems associated with identifying these coordinates turn out to be unnoticed. In the study based on the qualitative analysis of textbooks, historical and cultural analysis, and the maieutic method, three main problems are examined. The first one is epistemological: researchers reconstruct not the genesis of journalism as the techno-cultural practice, but the genesis of means of mass communication as its technologies and platforms, and institutions that actualize journalism. The second and the third problems are historical and cultural: most researchers trace this genesis right from the turn of the 17th and 18th centuries when the Russian government began to use the achievements of written and printed culture. Moreover, historians consider the press as a "canonical form" of journalism, and the head of the state as its "official inventor". The author articulates the 10th and the 11th centuries as the initial coordinates of the genesis of journalism in Russia and differentiates two pre-institutional periods within it. The first one is the becoming of the para-journalistic practice (until the mid-16th century), and the second one is the becoming of the journalistic practice proper (until the beginning of the 18th century). The conclusion of the paper is: any journalism history is based on mnemohistorical reflection, but the latter must be taken under control in order to solve the problems mentioned above.

Key words: *genesis of journalism in Russia, journalism history, conceptualization of journalism history, narrative on the past, techno-culture, means of mass communication, mnemohistorical reflection.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.102125

Введение

Если рассматривать историю как прошлое, то можно констатировать, что она, пусть и в длительной перспективе, есть «история информации, познающей саму себя» (Глик, 2016: 20). Следовательно, история как нарратив о прошлом – это информация о данном процессе самодвижения и самопознания информации. Подчеркнем: в первом случае речь идет об информации прежде всего как о физической величине, а во втором – уже только как о символическом феномене, о том, что называют социальной информацией (т. е. сведениями, которыми обмениваются люди). Однако каждый вид информации является порядком, вычлененным из беспорядка (von Foerster, 2003: 11). Значит, история как наука о прошлом занимается не чем иным, как упорядочением хаотических нарративов о событиях, происходивших неодновременно. Накопленные человечеством «научные знания о прошлом по преимуществу представляют собой описания последовательностей событий (нарративов), составленные на основе других описаний» (Зарецкий, 2011: 84). Впрочем, такая парадигма «не превращает историю в чисто описательную науку, запрещающую мыслить,

а также неспособную моделировать саму себя» (Дебрэ, 2010: 247). Это справедливо и по отношению к истории журналистики как научной дисциплине. Сформировавшись сравнительно недавно, гораздо позже, чем сама журналистика, она в итоге тоже приобрела способность к саморефлексии.

Разнообразие историй (комплексных научных нарративов) об истории (генезисе, или прошлом) журналистики как технокультурном феномене, создаваемых даже в одной стране, требует не просто их картографирования, но, с позиции американских историков К. Г. Барнхерста и Дж. Нероуна, историзации. «Эта стратегия имеет дополнительное преимущество в том, чтобы показать, как проект написания историй журналистики становился частью более крупного проекта по определению и дисциплинированию культуры новостей» (Barnhurst, Nerone, 2009: 17). Правда, на наш взгляд, это затруднительно – историзировать «проекты», посвященные генезису не конкретной социальной практики, но носителей и каналов распространения ее символических продуктов, к тому же когда генеральным оказывается «проект» по изучению «культуры новостей», истоки которой обнаруживаются сразу во второй половине XV в. в Западной Европе. Хотя маркировавшее ту эпоху «переизобретение» печатного станка и, что важнее, массовое производство наборного шрифта стимулировали возникновение лишь очередной «технологической» конфигурации у вышеуказанного типа культуры: он ведь развивался уже не одно тысячелетие.

Известно, что попытки реконструировать генезис журналистики в России были предприняты еще в 1810-е – первой половине 1820-х годов такими российскими учеными и журналистами, как В. С. Сопиков, Н. И. Греч и В. Г. Анастасевич. А вот попытки историзировать различные подходы к данному генезису, по мнению А. Ш. Бик-Булатова, впервые были реализованы только в раннесоветский период, т. е. примерно через сто лет, Б. П. Козьминым и В. Е. Евгеньевым-Максимовым (Бик-Булатов, 2012: 170). Последние заложили основы того, что упомянутый исследователь называет «концептуализацией» истории журналистики – выделением ее в качестве самостоятельной научной и, как следствие, учебной дисциплины. Однако трудности, с которыми до сих пор сопряжен данный процесс (и которые вызывают, если апеллировать к О. С. Кругликовой, «деконцептуализацию» (Корконосенко (ред.), 2018: 46)), объясняются, мы считаем, вовсе не отсутстви-

ем договоренности среди «отраслевых» историков относительно периодизации генезиса журналистики в России. Скорее, наоборот: наличие договоренности, но договоренности о начальных координатах этого генезиса (разумеется, основанной на конкретных исторических документах) порождает разного рода исследовательские и учебно-методические проблемы. И они не решаются (причем со времен В. С. Сопикова и Б. П. Козьмина соответственно, а в дальнейшем П. Н. Беркова и всей Ленинградской школы истории журналистики в России, а также, например, С. М. Томсинского), в общем-то, согласием ученых в том, каков объект их интереса (хотя, заметим, интересовать их должен прежде всего другой феномен).

Таким образом, цель настоящей статьи – раскрыть основные проблемы, связанные с установлением начальных координат генезиса журналистики в России и в целом не замечаемые российской исследовательской традицией. Сформулированная цель вызвала необходимость акцентировать внимание при формировании источниковой базы работы на учебниках и учебных пособиях. Дело в том, что их авторы, как правило, характеризуют ключевые подходы, существующие в заявленной «отрасли» исторического знания, и уже в рамках того или иного из них представляют данные, полученные ими и другими исследователями. Кроме того, обращение к указанным выше типам источников важно ввиду решения вопроса о концептуализации истории журналистики как учебной дисциплины. Проведенные нами качественный анализ учебных текстов, историко-культурный анализ, а также майевтический метод позволили обозначить возможную точку отсчета в генезисе журналистики (притом именно журналистики) в России и артикулировать общий принцип изучения данного генезиса.

Эпистемологическая проблема: история журналистики в России есть история периодической печати и других «СМИ»

С нашей точки зрения, начальные координаты генезиса журналистики в России (или, иначе, российской модели журналистики) все-таки не очевидны. И главная проблема – эпистемологическая – состоит в том, как российские исследователи определяют объект, историей которого они занимаются.

Реконструируя прошлое журналистики (причем точкой отсчета выступают первые годы XVIII в.), исследователи на самом деле

говорят о прошлом средств массовой коммуникации, и прежде всего периодической печати (созданная Петром I печатная газета под закрепившимся в историографии названием «Ведомости»; издававшаяся Петербургской Академией наук газета *Sankt-Petersburgische Zeitung*; выпускавшийся А. П. Сумароковым журнал «Трудолюбивая пчела» и т. д.). Вот каким характерным пассажем открывается, допустим, учебник под редакцией профессора Л. П. Громовой: «Русская журналистика прошла в своем развитии три столетия. Зародившись как явление политической жизни в виде правительственных “Ведомостей”, на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. она являлась частью литературного процесса, выполняя в обществе информационную, просветительскую, воспитательную и политическую роль» (2005: 3).

А вот фрагменты из введения к более раннему учебнику, подготовленному под редакцией профессора А. В. Западова: «История русской журналистики как предмет научного исследования и учебная дисциплина изучает русскую периодическую печать со времени ее возникновения в начале XVIII столетия до половины девяностых годов XIX в. <...>»; «В курсе истории русской журналистики рассматриваются закономерности и факты развития периодической печати <...>» (1973: 3).

Как мы видим, в работах российских историков тесно связанные, но все же разные явления – журналистика и средства массовой коммуникации – отождествляются, а категории, их обозначающие, используются в качестве синонимических и даже взаимозаменяемых. При том что журналистика выступает «программной областью» (термин немецкого социолога Н. Лумана (2012: 48)) средств массовой коммуникации – отнюдь не единственным их агентом, технокультурной практикой и символическим продуктом. Другими «программными областями» являются, например, реклама и связи с общественностью, развлечение и политика, наука и искусство, религия и спорт. Поэтому тезис профессора Б. И. Есина «Журналистика – индустрия информации» (2001: 9) представляется некорректным, поскольку:

а) реклама и развлечение – тоже индустрии, к тому же по силе воздействия на публику превосходящие журналистику;

б) реклама и развлечение превосходят и трактуемые как «журналистика» средства массовой коммуникации, ввиду того что действуют в том числе за пределами последних;

в) речь, само собой, идет об индустриях социальной информации, а не, допустим, геохимической или цитоплазматической.

Смешение указанных базовых понятий дает о себе знать в том случае, когда исследователи переключаются на характеристику становления журналистики как особой деятельности, опосредованной определенными технологиями. То есть когда рассматривают специфику, скажем, не только публицистической деятельности Ф. А. Эмина и Д. И. Фонвизина, издательской деятельности Н. И. Новикова и Д. В. Корнильева во второй половине XVIII в., но и специфику дипломатической деятельности Д. А. Францбекова и Ю. Филимонатуса еще в 30–40-е гг. XVII столетия. Понятийное смешение обнаруживается и тогда, когда исследователи начинают описывать какой-либо этап в становлении журналистики как совокупности особых текстов, которые затребуют определенных носителей и каналов распространения. То есть когда необходимо ответить, допустим, на такие вопросы: юрнал в 1700-е гг. – это носитель журналистского контента или официальный документ государственной власти?; журналы «Всякая всячина» в 1769–1770 гг. и «Собеседник любителей российского слова» в 1783–1784 гг. – это каналы доставки журналистских, литературных или своего рода *PR*-материалов?

Истоки синонимизации российскими историками понятий «журналистика» и «периодическая печать» (в редуцированном варианте – «печать», хотя данная категория обозначает любую типографскую продукцию, например книги) нужно искать, скорее всего, в одном из публицистических текстов Н. А. Полевого, соиздателя и редактора журнала «Московский телеграф». В 1825 г. он «впервые употребил на страницах своего издания термин *журналистика*, понимая под этим всю совокупность периодических изданий» (Громова (ред.), 2005: 188). И такое понимание в дальнейшем привело к тому, что журналистикой оказались и радио, и телевидение, и разнообразные интернет-издания – совокупность всех, как объясняет российский социолог В. П. Терин, «придуманных» в середине 1970-х гг. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС «средств массовой информации» (2009: 58–59).

С другой стороны, замкнутость историков журналистики на анализе становления (не)периодической печати обернулась тем, что, обращаясь, например, к XIX в., большинство из них лишь упоминает о таком средстве массовой коммуникации, как телеграф. Это выглядит особенно странно в свете ссылок на того, кто

выпускал журнал, названный, по всей вероятности, в честь изобретения французского инженера К. Шаппа. К тому же хорошо известны следующие технокультурные повороты. В 1840-е гг., когда в России государственная власть уже интересовалась электрическим телеграфом, но все еще делала ставку на оптический семафорный, некоторые американские журналисты беспокоились о том, что электрический телеграф уничтожит печатные газеты, а британские, наоборот, отмечали, что газеты оказались «самыми преданными адептами телеграфа» (Глик, 2016: 159). Зато во второй половине XIX столетия в нашей стране, равно как и в Великобритании, на основе электрической телеграфной связи начал функционировать своеобразный Интернет – только не «Викторианский» (Standage, 1998), а дважды «Александровский».

Да, если историки станут дифференцировать журналистику и средства массовой коммуникации, то вслед за теоретиками и они могут вступить «на очень топкую почву терминологической и смысловой разноголосицы» (Свитич, 2016: 547–548). Однако для построения «актуальных теорий и даже теоретических моделей» (Корконосенко (ред.), 2018: 47) истории, повторим, именно журналистики (чтобы далее концептуализировать соответствующую «отрасль» научного знания) требуется терминологическая определенность, связанная не только с историографией. В конце концов, ясно, что массовая коммуникация – это процесс, а ее средства – это технологии и институции (Lorimer, 2002: 70). И журналистика предстает как актор первого, задействующий вторые и интегрирующийся в третьи.

Историко-культурные проблемы: очевидность даты «основания» и личности «основателя» журналистики в России

Следствием раскрытой выше синонимизации понятий «журналистика» и «средства массовой коммуникации» выступает первая историко-культурная проблема: какую точку выбирают российские историки в качестве отправной на временной оси для выстраивания нарратива о генезисе изучаемого объекта.

Исходным пунктом становления в России журналистики – рассматриваемой, подчеркнем, исключительно как [периодическая] печать – подавляющее большинство исследователей считает 16 или 17 декабря 1702 г., поскольку в один из этих дней вышел в свет первый номер первой российской печатной газеты «Ведо-

мости» (хотя известно, что он вышел 16-го числа). Про 16 декабря говорится, например, в учебнике под редакцией профессора Л. П. Громовой (2005: 15), а 17 декабря называется, например, в учебнике под редакцией профессора А. В. Западова (1973: 16). Профессор Б. И. Есин упоминает просто о декабре 1702 г. – периоде, когда «вышли пробные номера» газеты «Ведомости» (2001: 9). А профессор Н. И. Чернышёва, указывая, что «Ведомости» были созданы в конце 1702 г., сообщает о номере от 17 декабря, но не проясняет, первый он или не первый (2009: 21, 29).

Впрочем, встречаются – более того, до сих пор издаются – работы, авторы которых в качестве «дня рождения» журналистики в России, т. е., конечно же, газеты «Ведомости» и всей «периодики», настойчиво заявляют 2 января 1703 года (хотя это день выхода уже третьего номера «Ведомостей»[1]). Допустим, в майском выпуске журнала «Журналист» за 2001 г. появилась рубрика с характерным (и оказавшимся к 2003 г. меметическим) наименованием «К 300-летию российской журналистики»[2]. В «предуведомлении» к ней, которое подготовил главный редактор журнала Г. П. Мальцев[3], и «программном» историческом очерке за авторством писателя и журналиста И. С. Симанчука, основного ведущего рубрики[4], был сделан акцент именно на январе 1703-го. А в октябрьском выпуске «Журналиста» за 2001 г. журналист Ю. И. Макунин опубликовал под данной рубрикой материал, где фигурировал уже исторически верный декабрь 1702-го (хотя и, судя по контексту, 17-е число)[5]. Однако профессор И. В. Кирия и профессор А. А. Новикова даже спустя 16 лет после этой макунинской публикации (и, к слову, спустя 53 года после издания книги профессора А. В. Западова «Русская журналистика XVIII века», в которой речь идет о «пробного характера» номере за 17 декабря 1702-го (1964: 9)) не сомневаются: первая в России печатная газета «начала выходить 2 (13) января 1703 г.» (2017: 99).

Короче говоря, дата даже не рождения, но «основания русской журналистики» (согласно подзаголовку книги профессора Г. В. Жиркова (2003)) якобы очевидна, и потому возраст «русской журналистики» легко вычисляем. Такая «очевидность» и позволила И. С. Симанчуку, «пытливому московскому добровольному архивариусу», предложить вместо 5 мая, Дня советской печати, праздновать (по новому стилю) 13 января День российской печати – «в годовщину выхода первого номера “Ведомостей”»[6]. О том, как предложение обернулось Постановлением президиума Верхов-

ного Совета РСФСР № 3043-1 от 28 декабря 1991 года «О Дне российской печати», И. С. Симанчук рассказал в специальном материале для журнала «Журналист» еще в 2000 г.[7] Текст Постановления, между прочим, открывается следующими словами: «Отдавая дань уважения исторической справедливости...» – и далее про ту самую «годовщину»[8]. Но из уважения к «исторической справедливости», может, было бы правильнее предлагать и «постановлять» 16 (27) декабря? Да, несмотря на то что первый номер газеты, известной как «Ведомости», сохранился лишь в рукописном варианте, в конце концов, он – первый. К тому же, как бы ни возражали журналисты и некоторые исследователи, оправдывая официально узаконенный «красный день календаря», после 2 (13) января 1703-го «Ведомости» все-таки выходили нерегулярно. Или, может, стоило выбрать в качестве праздничной даты – если уж продолжать ориентироваться на государственнический фактор – 15 (26) декабря? В этот день в 1702 г. был обнародован указ Петра I о необходимости печатания в Московской типографии и продажи «в мир по надлежащей цене» листов газетного типа (Жирков, 2003: 177).

А может, название «День российского журналиста» является более точным для профессионального праздника журналистов? И тогда справедливее с исторической точки зрения отмечать последний, допустим, 14 (25) ноября – в день рождения поэта, филолога и журналиста А. П. Сумарокова, создавшего в России прессу, независимую, по крайней мере экономически, от государственной власти. Профессор Г. В. Жирков утверждает, что узаконением 13 января как праздничной даты власть имущие продемонстрировали, что не всегда обладают полным знанием (2003: 107). Увы, не только они... Кстати говоря, считать День российской печати своим праздником ничто не мешает и рекламистам и *PR*-специалистам. Ведь в газете «Ведомости», этой виновнице продолжающихся почти 30 лет торжеств российского журналистского сообщества, уже в 1703 г. публиковались рекламные тексты. А сама газета являла собой важную для светской власти, персонифицированной в Петре I, *PR*-технологию – технологию гармонизации отношений данной власти с народонаселением (внутриполитический аспект) и властными структурами других государств (внешнеполитический аспект).

Нам представляется неочевидной не только дата «основания» журналистики в России, но и вообще – эпоха, на которую эта дата «выпадает». Журналистика ведь действовала задолго до Петров-

ской эпохи, когда она наконец-то получила новую (и ставшую базовой примерно на полтора века) коммуникационную платформу для самоактуализации и самореализации. Данной платформой, на рубеже XVII–XVIII вв. уже активно используемой во многих европейских государствах, оказалась, разумеется, печать, сначала типы непериодической (календарь и листок), а после и условно периодической (газета). На наш взгляд, необходимо говорить о том, что в Петровскую эпоху произошла легитимация журналистики как публичного актора. И государственная власть инициировала и осуществила этот процесс точно так же, как еще в конце XV в. она инициировала и в XVI – первой половине XVII столетия осуществила другой процесс – легитимацию журналистики в качестве кулуарной услуги самой себе. В данный довольно продолжительный исторический период она привлекла технологию письменности и бумажные носители (к слову, бумага в России была известна с середины XIV в., вытеснила пергамент в XVI–XVII вв., но ее производство власть наладила лишь в начале XVIII столетия, позиционируя как «дело государственной важности» (Семеновкер, 2009: 58)). Платформами журналистики были летучие листки, а также условные «донесения» и вполне конкретные «куранты». Кстати говоря, последнюю платформу, представлявшую собой переводные обзоры (компиляции) материалов иностранных печатных летучих листков и газет, историки журналистики отождествляют с другими рукописными вестовыми документами и именуют (прото)газетой, что, с позиции российского историка С. М. Шамина, неправильно (2007: 119–123; 2011: 5, 14–31).

Отсюда возникает вторая историко-культурная проблема: стремясь определить «основателя» журналистики, российские исследователи в итоге видят таковым исключительно государственную власть. Более того, власть персонифицированную: в Петре I (преимущественно), Алексее Михайловиче (как правило) и Михаиле Федоровиче (ибо в период его царствования «развитие русской жизни» вызвало «поворот к Западной Европе, интерес к ней» (Татаринова, 2002: 6)).

Мы считаем, что, реконструируя генезис журналистики, нельзя определить какого-то «основателя» (государственное лицо или негосударственное – неважно). Его у нее не могло быть. Петр I, Михаил Федорович или – вот кого редко вспоминают – Иван IV и Иван III не создавали журналистскую практику: она существовала и вне их санкции, и до их рождения. Журналистика как социаль-

ная система конституировалась из данной практики, которую опосредовали (если вести условно обратную хронологию) лубочные картинки и берестяные грамоты, гравюры на олове и холстине, устные объявления бирючей и театральные представления скоморохов. Но все перечисленные коммуникационные технологии (а технологиями являлись и монеты, и гранитные надгробия, и алфавит (Глик, 2016: 17, 20)) опосредовали, заметим, еще и рекламную и политико-управленческую практики. А кем в России была «основана», к примеру, реклама? Неизвестно. Да и российские эксперты в данной «отрасли» исторического знания не стремятся это устанавливать – ни В. В. Ученова и Н. В. Старых (2012: 146–169), ни Ю. А. Шестаков (2016: 96–101), ни О. В. Сляднева (2007: 6–15).

С нашей точки зрения, невозможно вычислить конкретную эпоху «основания» журналистики (как особой технокультурной практики) в России. Однако допустимо попытаться обозначить примерное историческое время зарождения последней. И здесь, естественно, следует иметь в виду, что «первое упоминание о славянах в письменных источниках относится к VI в. н. э., а народ *рос* впервые упоминается в летописях IX в.» (Соколов, 2019: 276) – таков нижний предел хронологии (на него, к слову, ориентируются историки рекламы в России). Если игнорировать данный предел в пользу того, о котором российские ученые и сами журналисты договорились, видимо, не позднее 1903 г. (Жирков, 2001: 185–186; Махонина, 2004: 17), то генезис журналистики так и будет вестись от правления Петра I после Великого посольства, а период ее становления в XVII в. (с начала царствования Михаила Федоровича или даже середины правления Бориса Годунова) – объявляться в качестве едва ли не первобытной эпохи. Главное якобы то, что в 1702 г. государственная власть с помощью технологии механизированной печати переформатировала непубличную коммуникацию в публичную – и это позволило журналистике «оформиться» сразу на стадии первичной институционализации. А с непубличной официальной коммуникацией, развивавшейся в XVII столетии, просто связан «опыт существования рукописной газеты», который «был использован при создании» понятно какого (не)периодического издания (Громова (ред.), 2005: 13). Подобные, в терминах англоязычных исследователей (Barnhurst, Nerone, 2009: 17, 23–26), «проекты написания» *history of journalism* действительно затрудняют концептуализацию такой академической дисциплины, как *journalism history*.

Возможное историческое время зарождения журналистики в России и поворот в ее генезисе при Иване IV

Прежде чем раскрывать вышеуказанные тезисы, подчеркнем, что журналистику мы рассматриваем в трех аспектах.

Во-первых, как социальную технокультурную практику (или деятельность) по оперативному познанию реальной действительности и ее дискретному моделированию в особых текстах. (Данный подход предполагает, что средства массовой коммуникации служат технологическими проводниками журналистской деятельности, носителями и каналами доставки создаваемых ее субъектами текстов неопределенным адресатам.) Во-вторых, как социальный институт, основанный на кооперации специфических деятельностных позиций (Никитаев, 1998: 69). Другими словами, журналистика есть совокупность редакций, т. е. таких учреждений, где помимо общих интереса и идеологии действует иерархия обязанностей и где сотрудники занимаются созданием, упаковкой и распространением особых текстов, являющихся общедоступными и предназначенных для неопределенных адресатов. (С позиции данного подхода средства массовой коммуникации выступают предприятиями, в которые встроены журналистские редакции.) Наконец, в-третьих, журналистику мы рассматриваем как самоорганизующуюся социально-герменевтическую (Рикёр, 1995: 10–18) и дескриптивную (Бондаренко, 2008: 50–51) систему. Иначе говоря, журналистика – это: а) система индивидуальных и институциональных агентов, ведущих оперативное исправляющее истолкование реальной действительности и относительно регулярное производство и продуцирование ее смыслов; б) система особых текстов, моделирующих реальную действительность и репрезентирующих ее смыслы. (Здесь средства массовой коммуникации оказываются сферами самоактуализации и самореализации журналистики, обеспечивающей понимание (вос)создаваемых событий, процессов и ситуаций реальной действительности обществом и – как итог – взаимопонимание в обществе.)

Итак, когда же зародилась журналистская практика – в XVII, XV, XII или вообще в IX в.?

Отвечая на данный вопрос, обратим внимание на то, что некоторые явления в истории (т. е. прошлом) социальной коммуникации могут быть истолкованы, с одной стороны, как вехи развития журналистики, а с другой – как вехи развития сказительства или литературы, рекламы или связей с общественностью, а то и вовсе –

паблисити. Например, бирюч (или бирич, или бирючий) – такая глашатайская должность существовала в Древнерусском государстве с X в. – был, судя по выполняемым им функциям, не только [государственным] журналистом, но и специалистом по связям с общественностью в сфере политики. Иными словами, он служил у воеводы, князя или царя своеобразным пресс-секретарем. А вот известные с XII в. калики перехожие и заявившие о себе, вероятно, в XV столетии офени никакого отношения к структурам государственной власти не имели: первые – паломники-сказители; вторые – торговцы-рекламисты. И одновременно (что те, что другие) – странствующие журналисты.

Или следующий социально-коммуникационный кейс: в XI в. в «русском обиходе» укоренилось скоморошество. Объединяясь в артели (ватаги) численностью до 60, а то и 100 человек, скоморохи кочевали по городам и деревням, где давали комические театральные представления. Эти светские «певцы и музыканты, акробаты и шуты» выступали своего рода репортерами, притом независимыми от государства и Церкви (оседлое скоморошество – особый разговор). Поэтому каждая их артель оказывалась своеобразным «народным разведывательным агентством», почти *WikiLeaks*.

Между тем А. Л. Дмитровский упоминает еще о славянских волхвах, советах старейшин и знахарях, которые существовали «в родоплеменные времена» (вероятно, с VI в.) и через которых, по его словам, «реализовывались в обществе “информационные и коммуникативные функции СМИ”» (2019: 46–47). Если выразиться корректнее, то те же волхвы, гонимые после принятия на Руси православия официальными властями (и князьями, и Церковью), выполняли все-таки социально-герменевтическую функцию. Однако она является фундаментальной для журналистики, а не для средств массовой коммуникации – понимаемых хоть как технологии, хоть как предприятия (да и считать таковыми волхвов – это, мягко говоря, нелепо).

В каждом из представленных выше примеров публичной деятельности (а она, заметим, опосредована прежде всего устной речью) мы имеем дело с интегрированными социальными коммуникациями. И хотя история, равно как и любая другая наука, с позиции французского философа Р. Дебрэ, есть разделение – высказывания (доказанного знания) и сообщения (вульгарного верования), высказывания и «шумов» процесса высказывания (2010: 259) – довольно сложно разделить то, что смешано (Глик, 2016:

288, 292–293), и отыскать у всех установленных «компонентов» такой «смеси» момент возникновения. Поэтому для выявления и описания объекта важно придерживаться точки зрения на объект, ибо именно точка зрения характеризует конкретную науку (Дебрэ, 2010: 13). И «отрасль» науки, кстати говоря, тоже. Стоит добавить, что отграничение журналистики от других публичных технокультурных практик, начавшись в XVIII в. и вроде бы завершившись в XX в., столкнулось с обратной тенденцией в XXI столетии. Ее (эту тенденцию) и констатирует американский политолог, социолог и историк Д. М. Райф, когда утверждает, что журналистика сегодня «распадается» и достигает точки, где «больше нет устойчивой сущности, которую можно было бы назвать журналистикой» (Carlson, 2015: 8). Ссылаясь на данный тезис, американский культуролог М. Карлсон резюмирует: «Эта неопределенность предвещает всплеск пограничной работы в вакууме, образовавшемся ввиду отсутствия установленных границ, но неясно, приведет ли это [пограничная работа. – *В.В.*] когда-либо в будущем к восстановлению признанных границ» (Carlson, 2015: 8).

Попытка обозначить приблизительное историческое время зарождения в России журналистской практики, несмотря на ее интеграцию с рекламной и/или какой-то другой коммуникационной деятельностью, требует обращения к исследованиям генезиса зарубежных моделей журналистики. Правда, не для того, чтобы убедиться, что зарождение связано: а) с оформлением государственности; б) с развитием письменности (при этом «связано с ...» вовсе не означает «детерминировано»). Нас интересует всего лишь термин «пра-/протожурналистика», используемый историками «мировой» журналистики, но игнорируемый историками «отечественной».

Пра-/протожурналистикой, как известно, называют особые публичные технокультурные практики или, что чаще, средства [массовой] коммуникации, появившиеся еще в Древнем мире. При этом временной отсчет ведется либо с месопотамских цивилизаций, либо сразу с античных – в общем, с тех пор, когда, по мысли Т. В. Казаковой, люди стали «более или менее сознательно» изготавливать и «более или менее целенаправленно» распространять в «психологической массе» «актуальную социально значимую информацию». Разрозненные, но публичные акты общественного взаимодействия, обеспечивающие «перевод» индивида «в состояние общественной осознанности, включенности в общественную

коммуникацию», – это и есть «пра-/протожурналистика» (Казакова, 2006: 71–72). А когда из данного «опыта, выраженного в разрозненных элементах» (Там же: 70), возникает собственно журналистика? Как указывает исследователь, в XVII в. – с формированием корпоративной осознанности и целенаправленности «в сборе, обработке и распространении социально значимой информации» и с превращением транслируемой «социально значимой информации» в товар. Иными словами, журналистика возникает как социальный институт (Там же: 69–70, 71–72).

Представленная Т. В. Казаковой концепция (если оставить в стороне ее терминологическую упрощенность), вероятно, справедлива для характеристики зарождения европейских моделей пра-/прото- и собственно журналистики. Хотя в концепции не учитывается, что:

а) интегрированные социальные коммуникации имели место даже в нововременной Европе (в частности, в XVII столетии);

б) институциональные элементы присутствовали уже в организации деятельности (не «пра» или «прото», а собственно журналистской – или все-таки политико-управленческой, или коммерческо-рекламной?) античных глашатаев;

в) социальная информация, упакованная в рукописные книги, стала товаром уже в V в. до н. э. в Древней Греции, а в эпоху высокого Средневековья (XI – начало XIV в.) книжная торговля получила в Европе, к примеру в Италии и Франции, широкое распространение;

г) «корпоративной осознанности» в каком-либо деле всегда предшествует осознанная кооперация деятельностных позиций.

Если принимать во внимание данный подход, то придется в соответствии с его логикой признать: в России собственно журналистика появилась лишь в середине XVIII столетия. Правда, отнюдь не в статусе социальной институции.

В общем, поскольку у истории всегда есть начало, для истории российской модели журналистики мы предлагаем в качестве такового, хотя и условного, X–XI вв. (которые считаются безусловным началом генезиса литературы и, между прочим, связей с общественностью (Почекаев, 2017: 193–194) в России). В Киевской Руси и Удельной Руси, затем в Великом княжестве Московском, а впоследствии в Московском государстве – примерно до рубежа 40–50-х гг. XVI в. – журналистская практика была интегрирована с другими публичными технокультурными практиками. Развивалась

она преимущественно в устной форме, и на государственном уровне ее субъектами выступали, например, бирючи, почтовые гонцы и даже тиуны – управляющие боярского или княжеского двора. Однако средневековые российские журналисты осваивали и письменную коммуникацию, притом что в сфере [средств] письменной коммуникации (в первую очередь это производство пергаментных и бумажных книг) – да и в социокультурном пространстве в целом – доминировала Русская православная церковь. А еще журналистская практика утверждала себя в изобразительных и гибридных знаковых формах. Ее продукты – конфессиональные и светские по содержанию, официальные и неофициальные по источнику происхождения – оказывались элементами икон и храмовых фресок, предметов декоративно-прикладного искусства и торговых пломб из свинца.

Этот достаточно долгий исторический период мы считаем периодом становления в России прото- или, точнее, паражурналистики. И он требует особого исследовательского внимания – в общем-то, такого же, какое с XVIII столетия уделяется этапам развития древнерусской литературы.

Точкой бифуркации в генезисе российской модели журналистики служит середина XVI в. Но здесь можно ориентироваться и на конкретный год – 1547-й: в этом году, как известно, Иван IV венчался на царство. Во время правления Ивана IV и далее вплоть до начала Северной войны в 1700 г., уже при Петре I, журналистская практика по-прежнему не существовала сама по себе и тем более не была встроена в специальные общественные и коммерческие службы, подобные тем, что действовали в Западной и Южной Европе с 1520–1530-х гг. Зато к ней обращались в таких государственных учреждениях, как Ямская изба, созданная в 1550 г. (с 1574-го – Ямской приказ) для управления почтовой службой, и Приказ книгопечатного дела, появившийся в 1553 г. для регулирования, по выражению некоторых исследователей, «книжного промысла» – впрочем, исключительно конфессионального. А для Посольского приказа – учрежденного Иваном IV в 1549 г. дипломатического ведомства – журналистская практика вообще оказалась опорной. Особенно в XVII в., когда ее ведущая форма, письменная, стимулировала возникновение соответствующих платформ – казенных рукописных столбцов (условных «донесений» и конкретных «курантов»), не адресованных народу. Разумеется, сотрудники Посольского приказа и работавшие при его посредниче-

стве за рубежом агенты российского правительства использовали и ресурсы устной коммуникации. Но гораздо изобретательнее в использовании ресурсов письменной и, что важно, изобразительной коммуникации во второй половине XVI – XVII столетии были журналисты, не относившиеся к «государевым».

Данный исторический период можно охарактеризовать как доинституциональный период конституирования в России собственно журналистики. К слову, в эпоху, персонифицированную в Петре I и ознаменованную широкомасштабным социокультурным реформированием Российского государства, началась институционализация не только журналистики, но и цензуры. Правда, если институционализация последней, в сущности, завершилась в 70–90-е гг. XVIII в., то институционализация первой – не ранее чем в середине следующего столетия.

Выводы

Таким образом, если понимать журналистику именно как социальную технокультурную практику, невозможную без средств [массовой] коммуникации (а не как систему «СМИ», и прежде всего систему прессы), то истоки такой практики мы действительно обнаруживаем еще в Древнерусском государстве. При этом, несмотря на ее интегрированность с другими видами коммуникационной деятельности, развивавшимися прежде всего в устном и письменно-изобразительном форматах, допустимо отграничить ее историографически. Однако последнее предполагает – тем более сегодня – задействование тех терминов и концептов, которые не были известны в прошлом. «Дело в том, – пишет российский философ В. В. Савчук, – что любой актуальный и значимый концепт “имеет обратную силу”, т. е. он высвечивает и обнаруживает в прошлом те смыслы, которые не “давались” в прежних подходах» (2014: 14).

Начальными координатами генезиса журналистики (как коммуникационной практики/деятельности) в России мы предлагаем считать X–XI вв.: ими открывается период становления в России прото- или паражурналистики – *первый доинституциональный период*. Он продолжался примерно до рубежа 40–50-х гг. XVI столетия (точкой бифуркации может служить 1547 г.). Причем еще в конце XV в., при Иване III, государственная власть инициировала процесс легитимации паражурналистики в качестве кулуарной

услуги самой себе. Далее примерно до 1700–1703 гг. имел место *второй доинституциональный период* – период конституирования в России собственно журналистики. И здесь мы сталкиваемся с тем, что к середине XVII в., при Алексее Михайловиче, государственная власть завершила обозначенный выше процесс легитимации, но легитимации уже собственно журналистики. В середине же 1700-х гг., в эпоху правления Петра I, началась, на наш взгляд, *первичная институционализация* журналистики – ее легитимация в качестве публичного актора.

Важно отметить, что все истории журналистики как комплексные научные нарративы, согласно К. Г. Барнхерсту и Дж. Нероуну, развивались вместе с самой журналистикой. Поэтому особенностью генезиса журналистики является ее историческое осознание (Barnhurst, Nerone, 2009: 17). Или оно, если апеллировать к немецкому египтологу и культурологу Я. Ассману, все-таки *мнемо*историческое? Ведь любая история «обращена не к прошлому как таковому, но лишь к прошлому, как его помнят» (Assman, 1998: 9) – и/или, позволим себе добавить, как о нем рассказывают. Стало быть, любая история журналистики тоже связана с тем, что Я. Ассман называет мнемоисторией. Мнемоистория есть «теория восприятия, приложенная к истории»; ее ключевая идея такова: «Прошлое не просто “получено” настоящим. Настоящее “преследуется” прошлым, а прошлое моделируется, изобретается, переизобретается и реконструируется настоящим» (Assman, 1998: 9).

Впрочем, дело не в том, что научные нарративы о генезисе журналистской практики основаны на аутентичных – как проективных, так и спонтанных – «мемориях» различных «несторов» (от древнерусских летописцев до современных профессиональных историков). Дело в том, что сами эти нарративы аутентичны и представленная в них мнемоисторическая рефлексия уже содержит в себе ресурсы для концептуализации данного генезиса. Следовательно, взять мнемоисторическую рефлексию под контроль (т. е. подвергнуть внутренней критике то, как в определенных источниках помнят прошлое и рассказывают о нем) означает решить те проблемы, которые мы рассмотрели выше. Иначе говоря, для того чтобы реконструировать прошлое журналистики, неотъемлемое – и это понятно – от прошлого средств массовой коммуникации (и средств пролонгации социальной памяти), недостаточно точки зрения, принятой исследователем в сокращающемся

настоящем. Необходимо еще преодолеть шум, образованный высказываниями других исследователей, а главное – сообщениями самих журналистов.

Примечания

[1] Подробное историографическое обоснование того, что «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостию Нотебурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году» не просто не может считаться третьим выпуском «Ведомостей», но не может даже быть включенным в число газетных материалов (поскольку юрнал есть автономный тип (не)периодического издания), представил профессор Г. В. Жирков (2003: 106–115).

[2] Наименование рубрики иногда менялось: «Навстречу 300-летию журналистики России» (2001. № 7 и № 8); «К 300-летию журналистики России» (2001. № 9); «К 300-летию российской прессы» (2002. № 12); «300 лет российской прессе» (2003. № 1 и № 2).

[3] *Мальцев Г.* В январе 2003 г. исполнится 300 лет со дня выхода в свет рожденной волей Петра I первой российской газеты «Ведомости» // Журналист. 2001. № 5. С. 48.

[4] *Симанчук И.* Петр I и его «Ведомости» // Журналист. 2001. № 5. С. 49–50.

[5] *Макунин Ю.* С пером и шпагой: Петр I – журналист // Журналист. 2001. № 10. С. 50–52.

[6] *Мальцев Г.* В январе 2003 г. исполнится 300 лет со дня выхода в свет рожденной волей Петра I первой российской газеты «Ведомости» // Журналист. 2001. № 5. С. 48.

[7] *Симанчук И.* Царь Петр – первый главный редактор // Журналист. 2000. № 1. С. 19.

[8] Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28.12.1991 № 3043-1 «О Дне российской печати». Режим доступа: *http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-prezidiuma-vs-rsfsr-ot-28121991-n/* (дата обращения: 04.06.2020).

Библиография

Бик-Булатов А. Ш. Концептуализация истории отечественной журналистики на современном этапе (методологический аспект) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 169–179.

Бондаренко С. Б. Теория дескриптивных систем. М.: ЛКИ, 2008.

Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток. М.: АСТ; CORPUS, 2016.

Дебрэ Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010.

Дмитровский А. Л. Теории журналистики: почему они «не работают»? (Проблема синергетического подхода к журналистским явлениям) // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 1. С. 36–56. DOI 10.17150/2308-6203.2019.8(1).36-56

Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917). М.: Флинта: Наука, 2001.

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001.

Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб.: Роза мира, 2003.

Западов А. В. Русская журналистика XVIII века. М.: Наука, 1964.

Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. *А. В. Западова*. М.: Высшая школа, 1973.

История русской журналистики XVIII–XIX веков / *Л. П. Громова, М. М. Ковалева, А. И. Станько, Ю. В. Стенник* и др. / под ред. *Л. П. Громовой*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

Казакова Т. В. Социальная коммуникация пражурналистского периода в контексте различных исследовательских традиций // Журналистика и медиаобразование в XXI веке / ред. коллегия: *А. П. Короченский, М. Ю. Казак, А. В. Полонский, С. В. Ушакова* и др. Белгород: БелГУ, 2006. С. 68–73.

Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012.

Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта: Наука, 2004.

Никитаев В. В. Пресса и журналистика в рамках культуры // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 65–79.

Почекаев Р. Ю. История связей с общественностью. М.: Юрайт, 2017.

Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М.: KAMI; Academia, 1995.

Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2014.

Свитич Л. Г. Изучение журналистики в контексте общенаучных парадигм // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 546–561. DOI 10.17150/2308-6203.2016.5(4).546-561

Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Ч. I. М.: Пашков дом, 2009.

Сляднева О. В. Очерки истории российской рекламы. Ч. I. СПб., 2007.

Соколов А. Мифы об эволюции человека. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

Татаринова Л. Е. «Вести-Куранты» – предшественник петровских «Ведомостей» // Из века в век. К 300-летию отечественной печати. 1702–2002 / под ред. *Б. И. Есина*. М., 2002. С. 5–11.

Теория журналистики в России / под ред. *С. Г. Корконосенко*. СПб.: Алетейя, 2018.

Терин В. П. Иноязычные слова в роли управленческой технологии // Мировая политика: взгляд из будущего. Т. 3 / под ред. *А. Б. Зубова, В. М. Сергеева, А. В. Шестопал*. М.: МГИМО – Университет, 2009. С. 53–61.

Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

Чернышёва Н. И. Первые русские журналисты – государственные деятели, дипломаты и писатели. М.: МГИМО – Университет, 2009.

Шамин С. М. Слово «куранты» в русском языке XVII – начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1. С. 119–152.

Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.: Альянс-Архео; СПб.: Контраст, 2011.

Шестаков Ю. А. История рекламы. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2016.

Assman J. (1998) *Moses the Egyptian. The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge; London: Harvard University Press.

Barnhurst K. G., Nerone J. (2009) Journalism History. In K. Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch (eds.) *The Handbook of Journalism Studies*. New York; London: Routledge. Pp. 17–28.

Carlson M. (2015) Introduction: The Many Boundaries of Journalism. In M. Carlson, S. C. Lewis (eds.) *Boundaries of Journalism. Professionalism, Practices and Participation*. London; New York: Routledge. Pp. 1–18.

Lorimer R. (2002) Mass Communication: Some Redefinitional Notes. *Canadian Journal of Communication* 27 (1): 63–72. DOI: 10.22230/cjc.2002v27n1a1272

Standage T. (1998) *The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's On-line Pioneers*. New York: Walker and Co.

von Foerster H. (2003) On Self-Organizing Systems and Their Environments. In H. von Foerster. *Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition*. New York: Springer-Verlag. Pp. 1–19. DOI: 10.1007/b97451

Notes

Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 28.12.1991 № 3043-1 «O Dne rossiyskoy pechati» [Decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR No 3043-1 (1991) "On the Day of the Russian Press"]. Available at: http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-prezidiuma-vs-rsfsr-ot-28121991-n/ (accessed: 04.06.2020).

Makunin Yu. (2001) S perom i shpagoy: Petr I – zhurnalist [With a Pen and a Sword: Peter the First as a Journalist]. *Zhurnalist* 10: 50–52.

Mal'tsev G. (2001) V yanvare 2003 goda ispolnitsya 300 let so dnya vykhoda v svet rozhdennoy voley Petra I pervoy rossiyskoy gazety «Vedomosti» [In January, 2003, the 300th Anniversary of the First Russian Newspaper Vedomosti, Born of the Will of Peter the First, will be Celebrated]. *Zhurnalist* 5: 48.

Simanchuk I. (2000) Tsar' Petr – pervyy glavnyy redaktor [Tsar Peter as the First Editor-in chief]. *Zhurnalist* 1: 19.

Simanchuk I. (2001) Petr I i ego «Vedomosti» [Peter the First and His Vedomosti]. *Zhurnalist* 5: 49–50.

References

Assman J. (1998) *Moses the Egyptian. The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge; London: Harvard University Press.

Barnhurst K. G., Nerone J. (2009) Journalism History. In K. Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch (eds.) *The Handbook of Journalism Studies*. New York; London: Routledge. Pp. 17–28.

Bik-Bulatov A. Sh. (2012) Kontseptualizatsiya istorii otechestvennoy zhurnalistiki na sovremennom etape (metodologicheskiy aspekt) [Conceptualization of the History of Russian Journalism in the Modern Period (the Methodological Aspect)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* 154 (6): 169–179. (In Russian)

Bondarenko S. B. (2008) *Teoriya deskriptivnykh sistem* [Descriptive Systems Theory]. Moscow: LKI Publ. (In Russian)

Carlson M. (2015) Introduction: the Many Boundaries of Journalism. In M. Carlson, S. C. Lewis (eds.) *Boundaries of Journalism. Professionalism, Practices and Participation*. London; New York: Routledge. Pp. 1–18.

Chernysheva N. I. (2009) *Pervye russkie zhurnalisty – gosudarstvennye dejateli, diplomaty i pisateli* [The First Russian Journalists: Statesmen, Diplomats, and Writers]. Moscow: MGIMO – Univ. Publ. (In Russian)

Debray R. (2010) *Vvedenie v mediologiyu* [Introduction to Mediology]. Moscow: Praxis Publ. (In Russian)

Dmitrovskiy A. L. (2019) Teorii zhurnalistiki: pochemu oni «ne rabotayut»? (Problema sinergeticheskogo podkhoda k zhurnalistskim yavleniyam) [Journalism Theories: Why Don't They Work? (The Problem of a Synergistic Approach to Journalism Phenomena)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 8 (1): 36–56. (In Russian)

Esin B. I. (2001) *Istoriya russkoy zhurnalistiki (1703–1917)* [History of Russian Journalism (1703–1917)]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian)

Gleick J. (2016) *Informatsiya: Istoriya, Teoriya, Potok* [The Information: A History, a Theory, a Flood]. Moscow: AST: CORPUS Publ. (In Russian)

Gromova L. P., Kovaleva M. M., Stan'ko A. I., Stennik Yu. V. et al. (2005) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th–19th Centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ. (In Russian)

Kazakova T. V. (2006) Sotsial'naya kommunikatsiya prazhurnalistskogo perioda v kontekste razlichnykh issledovatel'skikh traditsiy [Social Communication of the Pra-Journalistic Period in the Context of Various Research Traditions]. In A. P. Korochenskiy, M. Yu. Kazak, A. V. Polonskiy, S. V. Ushakova et al. (eds.) *Zhurnalistika i mediaobrazovanie v XXI veke* [Journalism and Media Education in the 21st Century]. Belgorod: Belgorod St. Univ. Publ. Pp. 68–73. (In Russian)

Kiriya I. V., Novikova A. A. (2017) *Istoriya i teoriya media* [Media History and Theory]. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Korkonosenko S. G. (ed.) (2018) *Teoriya zhurnalistiki v Rossii* [Journalism Theory in Russia]. St. Petersburg: Aleteyya Publ. (In Russian)

Lorimer R. (2002) Mass Communication: Some Redefinitional Notes. *Canadian Journal of Communication* 27 (1): 63–72. DOI: 10.22230/cjc.2002v27n1a1272

Luhmann N. (2012) *Real'nost' massmedia* [Reality of Mass Media]. Moscow: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya» Publ. (In Russian)

Mahonina S. Ya. (2004) *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [History of Russian Journalism of the Early 20th Century]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian)

Nikitaev V. V. (1998) Pressa i zhurnalistika v ramkah kul'tury [The Press and Journalism within Culture]. *Voprosy filosofii* 2: 65–79. (In Russian)

Pochekaev R. Yu. (2017) *Istoriya svyazey s obshchestvennost'yu* [History of Public Relations]. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)

Ricoeur P. (1995) *Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lektsii i interv'yu* [Hermeneutics. Ethics. Politics. Moscow Lectures and Interviews]. Moscow: KAMI Publ.; Academia Publ. (In Russian)

Savchuk V. V. (2014) *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Media Philosophy. A Fit of Reality]. St. Petersburg: RHGA Publ. (In Russian)

Semenovker B. A. (2009) *Evolyutsiya informatsionnoy deyatel'nosti. Rukopisnaya informatsiya. Ch. I.* [Evolution of Information Activities. Handwritten Information. Part 1]. Moscow: Pashkov Dom Publ. (In Russian)

Shamin S. M. (2007) Slovo «kuranty» v russkom yazyke XVII – nachala XVIII v. [The Word "Kuranty" in the Russian Language of the 17th – Early 18th Century]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* 1: 119–152. (In Russian)

Shamin S. M. (2011) *Kuranty XVII stoletiya: Evropeyskaya pressa v Rossii i vozniknovenie russkoy periodicheskoy pechati* [17th Century Kuranty: The European Press in Russia and the Origin of the Russian Press]. Moscow: Al'yans-Arkheo Publ.; St. Petersburg: Kontrast Publ. (In Russian)

Shestakov Ju. A. (2016) *Istoriya reklamy* [A History of Advertising]. Moscow: RIOR; INFRA-M Publ. (In Russian)

Slyadneva O. V. (2007) *Ocherki istorii rossiyskoy reklamy. Ch. I.* [Essays on the History of Russian Advertising. Part 1]. St. Petersburg. (In Russian)

Sokolov A. (2019) *Mify ob evolyutsii cheloveka* [Myths about Human Evolution]. Moscow: Alpina Non-fiction Publ. (In Russian)

Svitich L. G. (2016) Izuchenie zhurnalistiki v kontekste obshhenauchnyh paradigm [Studying Journalism in the Context of Interdisciplinary Paradigms]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 5 (4): 546–561. (In Russian). DOI 10.17150/2308-6203.2016.5(4).546-561

Tatarinova L. E. (2002) «Vesti-Kuranty» – predshestvennik petrovskikh «Vedomostey» [Vesti-Kuranty as a Predecessor of Vedomosti Published by Peter the First]. In B. I. Esin (ed.) *Iz veka v vek. K 300-letiyu otechestvennoy pechati. 1702–2002* [From Century to Century. To the 300th Anniversary of the Russian Press. 1702–2002]. Moscow. Pp. 5–11. (In Russian)

Terin V. P. (2009) Inoyazychnye slova v roli upravlencheskoy tekhnologii [Foreign Words as a Management Technology]. In A. B. Zubov, V. M. Sergeev, A. V. Shestopal (eds.) *Mirovaya politika: vzglyad iz budushchego. T. 3* [World

Politics: a Look from the Future]. Moscow: MGIMO – Univ. Publ. Pp. 53–61. (In Russian)

Standage T. (1998) *The Victorian Internet: the Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's Online Pioneers*. New York: Walker and Co.

Uchenova V. V., Starykh N. V. (2012) *Istoriya reklamy* [A History of Advertising]. Moscow: YuNITI-DANA Publ. (In Russian)

von Foerster H. (2003) On Self-Organizing Systems and Their Environments. In H. von Foerster. *Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition*. New York: Springer-Verlag. Pp. 1–19. DOI: 10.1007/b97451

Zapadov A. V. (1964) *Russkaya zhurnalistika XVIII veka* [Russian 18th Century Journalism]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Zapadov A. V. (ed.) (1973) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th -19th Centuries]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian)

Zaretskiy Yu. P. (2011) *Strategii ponimaniya proshlogo: Teoriya, istoriya, istoriografiya* [Strategies for Understanding the Past: Theory, History, Historiography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)

Zhirkov G. V. (2001) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [History of Censorship in 19th –20th Century Russia]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Zhirkov G. V. (2003) *Epokha Petra Velikogo: osnovanie russkoy zhurnalistiki* [The Epoch of Peter the Great: the Establishment of Russian Journalism]. St. Petersburg: Roza Mira Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
06.07.2020